

ЎзССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИНИНГ
АХБОРОТИ
ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК ЎзССР

СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Чехович

ОТДЕЛЬНЫЕ ОТТИСКИ

1959

от автора

О. Д. ЧЕХОВИЧ

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯН БУХАРЫ XIV В.

Немногочисленные источники, освещающие историю Бухары начала XIV в., касаются главным образом политических событий; такие основные факторы социально-экономической истории, как формы феодальной земельной собственности, особенности взаимоотношений между собственниками земли и эксплуатируемыми земледельцами, правовое и экономическое положение разных категорий крестьян освещены очень слабо¹.

Тем большее значение приобретает недавно обнаруженный бухарский вакуфный документ 1326 г. н. э., в котором содержатся сведения о кедиварах, музори'ях и крепостных крестьянах из бывших рабов, прикрепленных к вакуфным землям мавзолея и хонако Сайфиддина Бохарзи².

Документ 1326 г. является древнейшим из известных вакуфных грамот Средней Азии. Он сохранился в двух списках — XIV-XV и XVIII вв., причем чтение более древнего экземпляра облегчается благодаря наличию позднего. Утраченные части списка XIV — XV вв. восполняются по списку XVIII в., который лучше сохранился. Среди до-

¹ Основные источники указаны в кн.: В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. ч. II, Исследование, Спб., 1900, стр. 52 сл; И. П. Петрушевский, К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, Вопросы истории, 1947, № 4, стр. 59 — 70; В. Spuler, Die Mongolen in Iran, Politik, verwaltung und kultur der Ilchanzeit 1220—1350, Berlin, 1955.

² Шейх Сайфиддин Бохарзи (1190—1258) принадлежал к дервишскому ордену Кубрави и пользовался в Бухаре XIII в. значительным влиянием. Сохранилось письмо Сайфиддина Бохарзи к визирю Чагатай Кутбиддину Джейш Ахмаду, в котором шейх выражал резкий протест против умаления светской власти бухарского духовенства. Сайфиддин Бохарзи был назначен заведующим медресе, построенным в Бухаре на средства матери ханов Менгу и Хулагу. Мистические четверостишия Сайфиддина Бохарзи пользовались популярностью среди дервишей. О нем см.: Джемад Карши, Прибавления к арабскому словарю ас-Сурах, в кн. В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. I, Тексты, стр. 152; Hamdullah Mustavfi-i Qazwini, The Ta'rihi Guzida, v. I, L-L, 1910, p. 791; Муджмили фасихи, соч. Хувафа, в цит. кн. В. В. Бартольда, Тексты, стр. 160; Нафахот ал-унс, соч. Абдуррахмана Джами, литогр. изд., Ташкент, 1915, стр. 412—413; Рашахот айн-ал-Хайот, соч. Ас-Сафи, Индийск. литогр. изд., 1890, стр. 30; Хабиб ас-Сийяр, соч. Хондемира, т. III, ч. I, литогр. изд., Бомбей, 1857, стр. 36; Китоби Мулло-зода, соч. Ахмеда б. Мухаммеда, литогр. изд., Бухара, 1904, стр. 41—42; Хафт иклим, соч. Амина Ахмади Рази, ркп. ИВУз, № 617, л. 242а6; Хазинат ал-Асфия, соч. Гуляма Сарвара ал-Лахори, литогр. изд., Каунпур, 1902; Тухфат аз-зоирин, соч. Насириддина ал-Ханафи ал-Хусейни ал-Бухари, литогр. изд., Бухара, 1910.

Литература: В. В. Бартольд, Неопубл. глава к „Туркестану“ Архив АН СССР, S. Khuda Bakhsh, Saifuddin Bakharzi, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 59, Leipzig, 1905, II Heft, S. 345—354; Köprülü-zade Fu'ad, Saifuddin Bakharzi, The Encyclopaedia of Islam, IV, Leyden—London, 1934, p. 74.

шедших до нас вакуфных грамот Средней Азии документ 1326 г. выделяется объемом (поздний, более полный, список представляет собой свиток длиной в 48 м 70 см!).

Список XIV — XV вв. хранится в Центральном гос. историческом архиве УзССР, ф. 323, № 1196, список XVIII в. — в Бухарской гос. библиотеке им. Абу Али ибн Сины, № 195.³

Документ был составлен в 1326 г., т. е. через 58 лет после смерти Сайфиддина Бохарзи, его внуком по имени Яхья, который считается устроителем дервишской обители и странноприимного дома при мазаре Сайфиддина Бохарзи в Фатхабаде (восточном пригороде гор. Бухары). В 1333 г. шейх Яхья принимал здесь в качестве гостей известного арабского путешественника Ибн Баттугу, гератского законоведа с титулом „Садри шарият“ и вельмож гор. Бухары⁴.

Все доходы с принадлежавших вакфу земель были предназначены на поддержание культа могилы шейха Сайфиддина Бохарзи и на содержание его потомков, дервишской обители и странноприимного дома.

В отличие от других известных вакуфных документов в грамоте 1326 г. не только декларируется, но и объясняется самый акт обращения недвижимостей в вакф, состоящий в изъятии их из гражданского правооборота:

پس فروخته نشود و بخشیده نشود و میراث کرده نباید و ملک کسی نگردد و تلف کرده نشود بهیچ وجهی از وجوه و سببی از اسباب

„После [совершения акта обращенное в вакф имущество] не должно продаваться, дариться, переходить по наследству, становиться чьей-либо собственностью или расхищаться ни под каким видом“.

В документе описываются многочисленные сады и земли, принадлежавшие вакуфным учреждениям, частным собственникам и государству. В этих описаниях обращает на себя внимание аграрная и ирригационная терминология, отличающаяся своеобразием и архаичностью, например: *اوزه* — в значении „необработанная земля“, *افدق* — мелкое ответвление ирригационного канала, *زغار کش* — сбросный канал, *ارد* — земляной вал, ограничивающий земельный участок, *نمرز* или *نمرز* — межа, *شاخجوى*, *راش شوره*, *روياغ*, *رزکنده*, *باغکنده*, *بمرز* и др.

Начало документа (его инвокация, т. е. благочестивое введение) неудобочитаемо вследствие громоздких периодов, пышных восхвалений с цитатами из Корана, стихотворными вставками и т. д. Основной же деловой текст, наоборот, читается очень легко и содержит арабских элементов в лексике даже меньше, чем бывало обычно в более поздних актах.

Как видно из документа, вакуфные земли мавзолея и хонако Сайфиддина Бохарзи были расположены в Фатхабаде (близ Бухары) и в соседних селениях: Форакан, Ушмиюн, Абоди, Мурғзорча, Рахнадждиза, Хавзи Арусон, Фаришун, Дазина, Ковокдиза, Касра, Кушки осьёи Вобкана и Кишлак Хачаги. Размеры всех этих земель в документе не указаны, но они, несомненно, были очень обширны, так как

³ Пользуюсь случаем принести благодарность профессору Я. Г. Гулямову и В. А. Шишкину, ранее знавшим о существовании этого документа и помогшим мне отыскать его. Я чрезвычайно признательна также начальнику Исторического архива УзССР К. З. Мухсиновой и директору Бухарской гос. библиотеки тов. Хамрашаеву, дружески помогавшим мне в этих розысках.

⁴ Voyages d'Ibn Batoutah, Texte arabe accompagnée d'une traduction par C. D. Defremery et de Dr. B. R. Sanguinetti, T. III, Paris, 1855, p. 27.

говорится об обращении в вакф почти всех земель девяти из перечисленных селений. Множество частных имений (в том числе собственные земли шейха Яхьи) со всех сторон были окружены землями вакфа. На обширность вакфа Сайфиддина Бохарзи указывает также Ибн Баттута.⁵

Среди владельцев частнособственнических земель (милк) в документе упоминаются шейхи, ходжи, имамы, казии, эмиры, сипахсалар, мехтар, муставфи, вакил, а также устодехкон, сарроф, музадуз, джаллоб и косагар.

Пахотные земли и сады, не входившие в вакф и принадлежавшие лично шейху Яхье, были отданы (по-видимому, для обработки) кедиварам и богбонам, а вакуфные земли—музори'ям из трети урожая.

Приведем прежде всего ряд выдержек из документа 1326 г., содержащих термины кедивари и кедивар:

باغ... که ملک واقف است و داخل این وقف نیست و بکدیوری بمحمود معروش داده شده است و مشتمل است بر روی باغ و دو حوض و درختان مختلف مثمره و سیدارستان و کبوترخانه بزرگ و دو تخته رز

„Сад, который является собственностью учредителя вакфа и не входит в состав этого вакуфного имущества, а отдан в кедиварство Махмуду Ма'рушу, включает в себе руйбог, два водоёма, различные плодовые деревья, тополевые древонасаждения, большую голубятню и два участка винограда“.

Или:

محوطه است ملک این واقف مذکور است و معروف است بکدیوری حسن بران که بعضی از این محوطه را او درخت نشانده است مثمره غیر و مثمره

„Усадьба, являющаяся собственностью упомянутого учредителя вакфа, известная как кедиварство Хасана Бурана, который посадил плодовые и неплодовые деревья на части территории этой усадьбы“.

و اما از عمارت وی که مستثنیات است و داخل این وقف نیست یکی ساحت مسجد تابستانی و یکی ساحت مسجد زمستانی است بر بالای تل این دیه که حدود این هر دو ساحت پیوسته ساحتها و خانهای کدیوران و مزارعان این دیه که داخل این وقف است

„А в числе земель, которые исключаются и не входят в состав этого вакфа, один двор летней мечети и один двор зимней мечети на вершине холма селения [Форакан], так что границы двух дворов примыкают к дворам кедиваров и музори'ев этого селения, которые входят в состав вакфа“.

اما عمارات وی یکی تل است عالی که اکنون خراب است و در قدیم بروی عمارت بوده است از مساجد و سرائها و انبار خانها و خانها کدیوران و اکنون جمله ساحت شده است

„А к земельным угодиям относится один высокий холм, ныне представляющий собой развалины. В старину на нем были здания мечетей, дворцов, складов и жилища кедиваров. Теперь все превратилось в пустыри“.

⁵ Он пишет: „Обитель, носящая имя этого шейха (т. е. Сайфиддина Бохарзи.—О. Ч.), где мы остановились, громадна. Ей принадлежат огромные вакфы, доходы с них идут на угощение путешественников“, Voyages d'Ibn Batoutah, op. cit., p. 27

Термины „кедивар“ и „кедивари“ („кедиварство“) употреблены в документе около 30 раз. Все контексты не оставляют сомнений в том, что в начале XIV в. в Бухаре реально бытовал институт кедиварства, как система определенных отношений между крупными собственниками земли и обрабатывавшими их земли кедиварами.

Известно, какое огромное значение придается в нашей исторической литературе фигуре кедивара. Понимая этот термин, как обозначение крестьянина-общинника, постепенно закабалявшегося феодалами, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов и другие исследователи⁶ связывают с кедиварством целую эпоху и притом весьма важную эпоху в истории Средней Азии—время становления феодальных отношений.

Как известно, термин „кедивар“ встречается в „Истории Бухары“ Наршахи⁷, в „Шах-намэ“ Фирдоуси⁸, в „Диване“ Менучехри⁹ и др.¹⁰ В этих источниках кедиварами называются крестьяне, угнетенные и эксплуатируемые феодалами. В бухарской части грамот Ходжи Ахрара 1490 г. термин кедивар встречается в составе собственных имен как прозвище, а может быть и обозначение профессии¹¹.

Насколько известно, употребление термина „кедивар“ для XIV—XV вв. отмечается впервые. Не исключено, что в XIV в. под этим термином разумелось совершенно иное социальное явление, чем во времена Наршахи и Фирдоуси. Текст документа 1326 г. не сообщает нам, к сожалению, о том, на каких условиях земли феодалов передавались кедиварам.

Наряду с термином „кедивари“, в документе 1326 г. часто употребляется термин „богбони“ и говорится, что собственные земли шейха Яхьи передавались в „богбони“ другим лицам, „на определенных условиях“. Каковы были эти условия, в документе, к сожалению, не объясняется.

Только в отношении издольщиков — музори'ев, обрабатывавших вакуфные земли, в документе говорится, что они обязаны были сдавать Сайфиддину Бохарзи не менее одной трети урожая.

Кроме вакуфных и частнособственнических земель, в документе упоминаются земли государственные (اسباب مملکة ديوان) и удельные (مملکة ینجو). (Алиф, по-видимому, пропущен писцом).

Интересно, что термин „инджу“, написанный в раннем списке без диакритических точек, писцом XVIII в. был превращен в „танхо“, путем другой расстановки точек и добавления алифа в конце (تنخوا — سجو).

Как уже было сказано, при могиле Сайфиддина Бохарзи существовало дервишеское хонако и странноприимный дом, на содержание

⁶ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 32—33; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 249, 272; История Узбекской ССР, т. 1, книга первая, Ташкент, 1955, стр. 118—123, 151 сл.

⁷ Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nershakhy, texte persan publié par Ch. Scheffer, Paris, 1892, p. 6, а также русск. перевод Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 13.

⁸ Le Livre des Rois par Abou'lkasim Firdousi publié traduit et commenté par M. Jules Mohl, I, Paris, 1838, p. 382, V, p. 646—654, VI, p. 164—166.

⁹ Menoutchehri, Texte, traduction, notes et Introduction historique par A. de Viberstein Kazimirski, Paris, 1886—7, p. 54.

¹⁰ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность А. М. Беленицкому, уклавшему мне на употребление термина „кедивар“ в некоторых источниках.

¹¹ ЦГИА, УзССР, ф. 323, № 1202; ИВ УзССР фонд вакф-наме, № 18.

которых использовалась часть доходов с вакуфных угодий. Для обслуживания этих вакуфных учреждений и отчасти для выполнения сельскохозяйственных работ на вакуфных землях учредитель вакфа шейх Яхья Бохарзи купил 18 рабов, которые в документе перечисляются поименно с указанием их национальности и профессии (или прозвища). Среди них было десять индийцев, два монгола, два тюрка, один китаец, один перс (аджами), один, по-видимому, из персов, живущих в Индии (хинди-аджами) и один—выходец из Хорасана. В другом месте документа говорится, что среди купленных рабов были и русские, но при перечислении поименно они не названы.

Профессии или прозвища не указаны только для китайца, двух монгол и выходца из Хорасана. Один из тюрков назван шейхом, другой мясником (кассо), три индийца—садовниками (богбон), три—пастухами (джубон) и один—погонщиком верблюдов (сорбон). Про восьмого индийца сказано, что он был мухрдором, девятый назван вакилем и последний—сыном индийца-раба, рожденным в рабстве (хиндубача қадими хоназод). Перс был садовником (богбон), перс из Индии—погонщиком волов (говбон).

В документе говорится, что эти рабы были куплены учредителем вакфа специально с целью прикрепить их к вакфу. Документ объявляет всех их освобожденными от рабства с условием, что они обязаны всю жизнь работать и жить при вакуфном учреждении, не должны переселяться в другие места, убегать или прятаться. Тем из них, кто прислуживал при мазаре и хонако, было назначено пищевое довольствие, одежда и обувь за счёт вакуфных доходов. Те же, кто обрабатывал земли вакфа, превращались в издольщиков.

و آن غلامان که زراعت و باغبائی کنند باکس دیگر کنند از همان عمل ایشان یک حصه معین گردانند تا از همان ارتفاع و کسب خود بر گیرند و بخورند و پوشند و بان خدمت قیام نمایند

„Те из рабов, которые будут заниматься земледелием и садоводством с другими людьми, пусть получают определенную долю из доходов от своего занятия и на это должны кормиться и одеваться, будучи постоянно при том деле“.

Ввиду особого интереса, который представляет этот факт для истории крестьян Средней Азии, приведем полностью небольшой отрывок из документа XIV в. о крепостном состоянии бывших рабов.

و اقرار کرد این واقف مذکور... و گفت که بجهت خدمت روضه مقدسه مطهره فتحاباد را و بجهت خدمت این دو خانقاه را اجناس غلامان خریده ام از مغول و ترک و هند و اروس و غیر هم تا هر کاری و مصلحتی که در نفس خانقاه و روضه باشد یا در دیهها و مواضعی که برین خانقاه وقف شده باشد از مال جمع کردن و زراعت کردن و باغبائی کردن و وکیلی کردن و بسحاقی کردن این غلامان آن خدمتها را بجای آرند و بدان مصالح قیام نمایند و اگر نیز سفری بجهت مصلحت خاص خانقاه باشد بروند و آن مهم را کفایت کنند و فرموده که از این غلامان را و اولاد ایشانرا که جمله معلوم و مشهور اند و بذکر حلیه و اسامی محتاج نیند آزاد گردانیدم لله تعالی بشرط آنکه خدمت این خانقاه و روضه مقدسه کنند و از بنجا دور نشوند و غایب نگردند و بموضعی دیگر نقل نکنند و ایشان همچون آزادان وظیفه خانقاه میخورند و جامه می پوشند و خدمت خانقاه می

کنند تا اگر شغلی کنند از زراعت و باغبانی از آنجا حصه مزراعانه
بر گیرند بر رسم معهود که قایم مقام وظیفه خانقاه باشد.

„И сделал заявление этот вышеупомянутый учредитель вакфа..., сказав: „Для обслуживания святой пречистой могилы в Фатхабаде и этих двух хонако я купил разного рода рабов из монголов, тюрок, индийцев, русских и прочих, чтобы эти рабы выполняли все дела и работы в самих хонако и при могиле, а также в селениях и местностях, сделавшихся вакфом в пользу этих хонако, например: собирали налоги, обрабатывали землю, ухаживали за садами, были бы уполномоченными и надсмотрщиками — чтобы эти рабы находились при этих делах. А если встретится необходимость поехать по делам хонако, пусть они едут и выполняют то дело.“

И он соизволил заявить следующее:

„Этих рабов и их потомков, которые всем известны, так что нет нужды в перечислении их примет и имен, я превращаю в свободных ради всевышнего Аллаха с условием, чтобы они исполняли службу при этих хонако и пречистой могиле и отсюда не удалялись, не скрывались и в другие места не переселялись. Они будут получать довольствие в хонако, подобно свободным, носить одежды и выполнять службу при хонако.“

Если же они будут заниматься земледелием или садоводством, то оттуда будут получать долю издольщика обычным путем, вместо довольствия из хонако“.

Таким образом, документ 1326 г. представляет единственный среднеазиатский источник, который с такой ясностью свидетельствует о существовании в Бухаре крепостничества в форме прикрепления бывших рабов к землям вакфа в качестве крепостных крестьян. Обращение в вакф рабов засвидетельствовано и другими документами: вакуфной грамотей мавзолея Ишрат хона 1464 г., вакуфными грамотами Ходжи Ахрара 1490 г., и вакуфными грамотами шейхов Джуйбари XVI в. Однако только здесь, в грамоте 1326 г., условия обращения в вакф и прикрепления к вакуфным землям изложены так подробно.

О. Д. Чехович

XIV АСРДАГИ БУХОРО ДЕҲҚОНЛАРИ ТАРИХИГА ОИД

Мақолада эрамизнинг 1326 йилига оид бўлиб, яқинд топилган Бухоро вакуф ҳужжати маълумотлари ҳақида гапирилади. Бу ҳужжатга қараганда, Бухорода илгари қулларни деҳқон сифатида ерга бириктириш шаклида крепостнойлик ва кадиварлик ҳуқуқи ҳукм сурган. Ердан фойдаланишнинг бу шаклига асосан йирик ер эгалари ерни ишлаш учун деҳқонларга берганлар.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн саккизинчи йил нашри

6
1974

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восемнадцатый

О. Д. ЧЕХОВИЧ

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Проблема внутреннего строя городов Средней Азии феодального времени поднималась неоднократно. Для выяснения особенностей среднеазиатских и переднеазиатских городов, их отличия от городов Запада привлекалось много источников. При этом отсутствие сведений об общегородском самоуправлении рассматривалось как свидетельство своеобразия их социальной структуры по сравнению с некоторыми северно-русскими и западноевропейскими городами, такими, как Новгород, Псков, Гамбург, Флоренция, Генуя и другие, где, как известно, существовали городские феодальные республики. Полагая, что в Средней Азии и других странах Переднего Востока подобных городских республик и даже органов общегородского самоуправления в период феодализма не было, причину такого своеобразия среднеазиатских и переднеазиатских городов искали в характерном для Ближнего Востока господстве в городах феодалов-землевладельцев, которые не вели крупного барщинного хозяйства в сельских местностях, сдавали свои земли в издольную аренду, а сами жили в городах и были тесно связаны с купечеством, городской и международной торговлей.

Впервые эта точка зрения была высказана еще в 40-х годах: «В Иране, как и во всей мусульманской Передней и Средней Азии, не развилось городское самоуправление, городское право и городские учреждения, подобные строю самоуправляющихся русских городов типа Новгорода, Пскова и городов-коммун в Западной Европе в позднее средневековье»¹.

В дальнейшем такое же заключение вошло в текст «Всемирной истории»: «Так же как на всем Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии не было общегородского самоуправления. Власть в городах, служивших местопребыванием общегосударственных и местных правителей, оставалась в руках феодалов. Самоуправление существовало только в рамках отдельных корпораций (ремесленных, купеческих и духовных) и городских кварталов, имевших своих выборных старшин»².

Более подробное обоснование того же тезиса содержится в коллективном труде «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века»³.

Не имея в виду рассмотрения этой концепции в целом, мы коснемся здесь лишь вопроса о городском самоуправлении и приведем факты,

¹ Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 110.

² См. «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 475.

³ И. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958, стр. 138—139, 286—287.

доказывающие, что отсутствие его было характерно не для всех городов Средней Азии. По крайней мере, в Ташкенте и г. Туркестане в XVIII в., в некоторых других городах того же времени, сербедарских и «сейидских» городах XIV в., Пайкенде и Искиджкате X в. общегородские самоуправления, по-видимому, существовали⁴. Что касается Ирана XVII в., то сведения Кемпфера, приведенные в коллективной «Истории Ирана», едва ли могут рассматриваться как доказательство отсутствия там общегородского самоуправления, скорее наоборот.

Общегородское самоуправление в Ташкенте и г. Туркестане в XVIII в. и их независимость от ханств были замечены давно. Еще Николай Минёр, живший в Средней Азии в 1721—1724 гг., называл Ташкент, а также Кашгар, Маргелан, Андижан, Балх и Бадахшан «вольными городами»⁵. О самоуправлении Ташкента и Туркестана подробно сообщали Нур Мухаммад Алимов, приезжавший из Ташкента в Россию в 1735 г.⁶, Карл Миллер, побывавший в Ташкенте в 1739 г.⁷, М. Нурлин, И. Чулпанов⁸ и Ш. Арсланов⁹. Русский историк П. И. Рычков обратил внимание на то, что в Ташкенте правили сами горожане и что они — «вооруженные люди»¹⁰.

Н. Г. Маллицкий писал: «Население Ташкента чаще всего было предоставлено самому себе. Ремесленники, сложившиеся в крепкие цеховые организации, земледельцы и торговцы сообща ведали общественные дела. В эту-то эпоху¹¹, надо полагать, особенно укрепились и развились в Ташкенте, этом «Гамбурге» Средней Азии, по выражению русских официальных документов середины XIX столетия, те замечательные муниципальные нравы большого торгового и промышленного города, о которых говорят русские источники XVIII и XIX столетий. Правда, Ташкент редко пользовался самостоятельностью, подчиняясь то бухарским эмирам, то киргизским¹² ханам, то (впоследствии) Кокандскому ханству, но зависимость эта была часто эфемерная, а иногда и прямо номинальная»¹³. В другой статье Н. Г. Маллицкий писал: «Во второй половине прошлого (XVIII.—О. Ч.) столетия Ташкент, фактически не зависевший ни от Бухары, ни от начинавшего усиливаться Коканда, управлялся ходжами»¹⁴.

⁴ См.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 150; М. Наршахи. История Бухары, изд. Ш. Шефера, Париж, 1892, стр. 12; пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 20—21; И. Кириллов. Проект построения Оренбурга с высочайшей резолюцией, Полное собрание законов Российской империи, т. IX, 310, док. 138.

⁵ См.: А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, Записки РГО, т. IX, СПб., 1853, стр. 388—389.

⁶ См.: «Материалы по истории России, сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края в 1735 и 1736 годы», т. II, Оренбург, 1900, стр. 55—65.

⁷ См.: Я. В. Ханьков. Примечания к статье: «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент», Вестник РГО на 1851 г., ч. I, кн. I, СПб., 1851, стр. 53—56.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ ЦГАДА, фонд «Сенатские книги», № 136, л. 185—200.

¹⁰ См.: «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым», часть первая, СПб., 1762, а также: П. И. Рычков, История Оренбургская. 1730—1750, под ред. и с прим. Н. М. Гутяра, Оренбург, 1896, стр. 40.

¹¹ XVIII в.

¹² Казахским.

¹³ Н. Г. Маллицкий. Ташкент (Исторический очерк), Известия Ташкентской городской думы, 1915, № 2, стр. 82.

¹⁴ Н. Г. Маллицкий. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, Туркестанские ведомости, 1898, № 88.

В. В. Бартольд установил, что уже в 1709 г. власть в Ташкенте действительно принадлежала ходжам (аристократическому сословию, возглавлявшему общегородское самоуправление). Позднее в городе были и ханы. Около 1740 г. ташкентцы убили в мечети хана Джулбарса; в 1747 г. правителем у них был Бахадур-бек (или Бахадур-фарман). «По-видимому, он враждовал с ходжами, — пишет В. В. Бартольд, — в 1749 г. он был убит, после чего ташкентские ходжи разграбили имущество его родственников»¹⁵.

Как удалось установить, эти сведения почерпнуты В. В. Бартольдом из трех среднеазиатских источников: «Убайдуллах-наме» Мир Мухаммада Амина Бухари, «Тухфат ал-хани» Мухаммада Вафа Карминаги и «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммада Хаким-туры, а также из ряда сообщений российских посланцев, побывавших в Ташкенте того времени. Мы приведем в оригинальном тексте и переводе соответствующие данные среднеазиатских источников, что позволит убедиться в недвусмысленном характере их сведений.

В «Убайдаллах-наме» о событиях 1709 г. написано следующее:

... از جانب خواجگان صوبۀ تاشکند بپایۀ سریر خلافت مصر خبر آمد که کفرۀ شوم قلیاق مانند سیل بر سر آول قزاق آمده ناخت نموده چون برق باد گشته بطرف یورت خویش مراجعت نموده است باوجود اینمراتب پادشاه عالم را چندانی اطمینان خاطر نبود لا جرم عبدالرحیم خواجہ برادر قرا بہادر خواجہ سید انابی را کہ فرقۀ قزاق پیر خودہا دانستہ اخلاص تمامی دارند وعدۀ نقیبی بارگاہ را باو دادہ بولایت تاشکند فرمود و بغانان قزاق و خواجگان تاشکند عنایت نامیا و خلعت شایستہ و اسپان تازی بمصحب خواجہ مشارالیه روانہ نمودند

«[В 1709 г.]... к подножию престола правления [бухарского хана Убайдаллаха] пришло известие от ходжей Ташкентской области о том, что неверные, злополучные калмыки, как селевый поток, устремились на аулы казахов, напали на них и молниеносно возвратились в свой юрт. Несмотря на то, что на этот раз [они ушли], падишах мира [Убайдаллах] не был спокоен и послал в Ташкентский вилайат Абдаррахим-ходжу, брата Кара-бахадур-ходжи Сейит-атайи, которого племена казахов искренне почитают, считая своим пиром. [За исполнение этой миссии бухарский хан] пообещал ему должность придворного накиба. С указанным ходжой он послал казахским ханам и ташкентским ходжам милостивые письма, соответствующие халаты и арабских коней»¹⁶.

Из этого отрывка видно, что бухарский хан Убайдаллах (1702 -- 1711), узнав о появлении калмыков не от казахских ханов, чьи аулы подверглись набегу, а непосредственно от ташкентских ходжей, ответные письма и подарки отправил в два адреса — казахским ханам и ташкентским ходжам. Таким образом, было признано самостоятельное правление в Ташкенте ходжей и их право вести сношения с иностранным государством, независимо от казахских ханов. Так как в источнике говорится о ходжах «Ташкентской области», заключение В. В. Бартольда, что ташкентские ходжи имели власть в своем городе, можно рас-

¹⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 277.

¹⁶ Мир Мухаммад Амин Бухари Убайдаллах-наме, тадж. рукопись начала XVIII в., хранящаяся в ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 147 б; рус. пер. А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 166—167.

ширить в том смысле, что они управляли городом и принадлежавшей ему областью. Как мы покажем ниже, это подтверждается и русскими источниками.

Следующий источник В. В. Бартольда «Тухфат ал-хани» гласит: چون اجمالی در خاتمۀ کار عبادالله خطای در ولایت تاشکند گذشت که حاکم آن ولا بعد از روزی چند از قتل عبادالله او نیز در محاربه بعضی از قلاع بجانب دار الجزا متوجه شد جواگهان تاشکند آتش غارت و تاراج در خان و مان آورده اتباع او را منتشر و پریشان کردند بنابر آنکه حاکم تاشکند با توره قلمای صورت متابعت و انقیاد داشته بواسطه او بانولا مسلط بود برادر او فرمان استغاثه بخان مغول برده

«Как было сказано при описании конца дела Ибадаллах-хитая в вилайате Ташкент, правитель той области [Бахадур-бек] через несколько дней после убийства Ибадаллаха тоже был отправлен на тот свет во время битвы за какую-то крепость. Ташкентские ходжи пустили его имущество на поток и разграбление и разогнали его людей. Поскольку правитель Ташкента подчинялся калмыкскому туру и властвовал в той области при его посредстве, его брат Фарман обратился за помощью к хану моголов»¹⁷.

Отсюда ясно, что слова В. В. Бартольда о вражде правителя с ходжами можно пояснить: по-видимому, пунктом разногласий между правителем и ходжами, выступавшими от имени всех горожан, был вопрос о вассальной зависимости Ташкента от калмыков, с помощью которых правитель пытался удержаться на своем посту. Ташкентцы уничтожили правителя и его людей, чтобы восстановить независимость и полное самоуправление.

Такое толкование подтверждается показаниями следующего источника — «Мунтахаб ат-таварих»:

... در آن اوان بهادر فرمان که از خانان چنگیز بود در ولایت تاشکند فرمان فرمایی میکرد چون از دار فنا بدار بقا رحلت نمود حکومت ولایت تاشکند بدست خواجه افتاد هر کدام بتور خود کوس امارت میزدند بعد از محاربات بسیار بمدد خان خواجه به سیادت پناهی یونس خواجه قرار گرفت

«В те времена [XVIII в.] вилайатом Ташкента правил Бахадур-фарман, происходивший из ханов-чингизидов. Когда он переселился «из дома тленности в мир вечности», управление Ташкентским вилайатом попало в руки ходжей. Из них каждый по-своему бил в барабан начальствования; после многих междоусобиц с помощью Хан-ходжи [город] успокоился, [избрав правителем] Юнус-ходжу, происходящего из сейидов»¹⁸.

Сведения В. В. Бартольда о пребывании в Ташкенте казахского хана Джулбарса и его убийстве ташкентцами около 1740 г. основаны на показаниях поручика К. Миллера, ездившего в Ташкент по поручению русского начальства в 1738—1739 гг. Сведения К. Миллера были подтверждены письмом, привезенным поручиком Гладышевым от переводчика Мухаммада Нурлина, а также показаниями Ивана Чулпано-

¹⁷ Мухаммад Вафа Карминаги, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 16, л. 1606—161 а

¹⁸ Мунтахаб ат-таварих, соч. Мухаммада Хаким-туры, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 592, л. 363 а,б.

ва — русского капрала, находившегося в Ташкенте в качестве пленного, и Шибая Арсланова, вятского купца, ездившего в Ташкент в 1742 г. Важнейшая часть сообщений К. Миллера и его спутников касается вопроса о городском управлении в Ташкенте:

«Правительство в городе прежде тутошние граждане содержали, но потом усилились над ними Большой орды киргиз-кайсаки и ханы той орды во оный город для житья часто приезжают». «Правители [в Ташкенте] бывают по одному, по выбору всего города обывателей»¹⁹.

На вопрос о том, как было организовано ташкентское самоуправление, существовали ли здесь городское право и городские учреждения, подробно отвечают два источника: рассказ Нур Мухаммада Алимова, записанный русским чиновником в Уфе в 1735 г., и «Сказание о Ташкенте», обнаруженное нами в «Та'рих-и джадиде-йи Ташканд» Мухаммада Салиха Ташканди.

Рассказ Нур Мухаммада Алимова издавался дважды²⁰, поэтому мы не будем приводить весь его довольно пространный текст; заметим только, что русский чиновник, записавший показания Нур Мухаммада, употребил для обозначения высшего органа ташкентского самоуправления знакомый ему европейский термин «магистрат», а его местопребывание — внутренний город — назвал Кремлем. Членов «магистрата» он называет «градодержателями».

Нур Мухаммад мулла Алимов, ташкентский купец, родственник одного из «главных градодержателей» Ташкента, Ашир-бая, был послан в Казахстан и Россию, чтобы разузнать, на каких условиях казахские жузы присоединяются к России. «Послано было с ними от магистрата письмо за магистратскою печатью». О составе «магистрата» и его функциях Нур Мухаммад сообщил следующее: «Градские их держатели или первые магистратские пять человек: Ашир-бай, Ханкельды-батыр, мулла Мухаммад-Баки, Мулла Аваз-Батыджан, Турсум-бай чармгар... Градодержатели или магистратских членов главных всех десять человек, в том числе и вышеписанные; они живут в Кремле у ворот Кукча ж и всякие главные дела судят, и посылают от себя в другие орды с ведомо и без ведомо ханов своих. А для прочих судных дел у всяких Большого города ворот определены по одному старшине, кои тут судят и всякую расправку делают, все на словах, ссыкая правды, а чего рассудить не могут, спрашиваются с первым духовным Ахуном, который разбирает по Китабу, то есть Корана по судным главам. И власть имеют казнить городских жителей, не спрашиваясь с ханом, а к хану отсылают только винных кайсаков».

В начале и во второй половине XVIII в. ханов в Ташкенте не было. Но и в те годы, когда они были, их власть была сильно ограничена горожанами, о чем свидетельствуют следующие слова Нур Мухаммада: «После калмыцкой войны Жолбарс-хан по-прежнему в Ташкенте принят..., а в Кремль ханов никогда не впускают, да и сами ханы не входят, боясь, чтобы не засадили... К сборам [податей] определяют казахи своих сборщиков, а Ташкентский магистрат, также и Туркестанский, дают от себя во все города старшин, чтобы при них собирали и никаких обид не делали; однако ж казахи многих побивают до смерти, но,

¹⁹ Подлинный отчет К. Миллера до сих пор в архивах не обнаружен. П. И. Рычков и Я. В. Ханыков использовали показания К. Миллера и др., записанные с их слов по возвращении в Россию (см. упомянутые выше их работы, особенно: Я. Ханыков. Указ. статья, стр. 54).

²⁰ Материалы по истории России, стр. 55—65; А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912, стр. 14—19.

на то не смотря, права своего не теряют, новых, выбирая, посылают, а об убитых от ханов никакой управы получить не могут».

Из показаний Нур Мухаммада мы узнаем, что к Ташкенту относилась целая область по р. Чирчик, где было свыше десяти небольших городков, окруженных стенами; среди них перечисляются Чилак, Хандалак, Намданак, Паркент, Заткент, Сайрам и др. Далее говорится, что и в г. Туркестане горожане сами «по примеру ташкентскому градские дела управляют», что к Туркестану относятся 16 городков «и при них другие мелкие местечки или деревни».

Принадлежавшее горожанам право суда и система его организации освещены в показаниях Нур Мухаммада. Даже к смертной казни городской суд приговаривал, не нуждаясь в санкции ханов. Высшим судебным авторитетом был ахун, духовное лицо. Наиболее важные дела разбирались высшей судебной палатой во внутреннем городе, у ворот Кукча. По менее крупным делам судили старшины, сидевшие возле всех 32 ворот внешнего города.

Тот же источник сообщает, что горожане Ташкента имели свою организацию обороны. Город был окружен мощной стеной, по верху которой можно было ездить на лошадях по двое в ряд. Говорится, что в случае внешней опасности «караульщики по стене скачучи, кричат, дабы к обороне были готовы». Напомним, что, по сведениям П. И. Рычкова, ташкентские горожане были «вооруженными людьми».

Как свидетельствует Нур Мухаммад, казахские ханы в его время, т. е. в тридцатых годах XVIII в., получали ясак (подать) со всех городков, подчиненных Ташкенту, или уступали право на сбор ясака своим помощникам. Но само взимание налогов находилось под контролем представителей Ташкентского «магистрата», т. е. самоуправления горожан. Очень важно указание на право горожан контролировать сбор налогов по всей области (с оседлого населения). В приведенных выше показаниях Нур Мухаммада ярко отражена доходившая до кровопролития борьба горожан против самоуправства казахских сборщиков. В словах источника ясно прозвучала жалоба представителя города на нарушение ханами городского права.

Вопрос о том, для чего же в таком случае ташкентцы «принимали» ханов, ясен ввиду обилия уже исследованных источников, характеризующих караванную торговлю между Средней Азией, Казахстаном, Россией. Ташкентские караваны шли через кочевые степи и нуждались в охране. Горожане были согласны отдавать часть налогов тем ханам, которые были в состоянии ограждать караваны и обработанные земли от нападений. Кроме того, нужно учесть, что в 1723—1749 гг. город был принужден подчиниться джунгарам (калмыкскому государству) и их вассалам — казахским ханам.

«Сказание о Ташкенте» — второй из основных наших источников, подробно рассказывающий о ташкентском городском самоуправлении во второй половине XVIII в.²¹ Эта часть сочинения Мухаммад Салиха, сохранившаяся в виде полужачеркнутой вставки, несомненно заимствованной из более раннего источника, представляет собой эпическое повествование об эпохе «чар хаким», т. е. четырех правителей Ташкента, а затем о переходе власти к Юнус-ходже. Источник позволяет уточнить представление о системе управления Ташкентом при одновременном правлении четырех хакимов. Весь внешний город был разделен на четыре части, которыми управляли четыре знатных горожанина. Свое проис-

²¹ Та'рих-и джадиде-йи Ташканд, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, л. 354а—359а; О. Д. Чехович. Сказание о Ташкенте, Письменные памятники Востока. Ежегодник 1968, М., 1970, стр. 172—192.

хождение они прослеживали вплоть до «Ноя, Сима и Яфета», от которых якобы произошли легендарные тюркские цари, затем Чингиз-хан, Тимур, Бабур. Юнус-хан, Ахмад-Алача («убийца») и, наконец, их непосредственный предок Авлайкули-хан. Шейхантаурской частью правил Бабахан-тура Авлайкулиханид, Бешагачской — Раджаб-бек Аштарханид, Кукчинской — Мухаммад Ибрахим-бек Чагатаид, а в Сибзарской управлял не названный по имени правитель из Джучидов. Говорится, что они правили в городе и районах Кипчакской степи совместно, по взаимному соглашению. В случае войны для отражения неприятеля горожане всех четырех частей выставляли войско в порядке установленной очередности. Это доказывает существование общегородских правил. Горожане были вооружены и очень воинственны: «В те времена и на базар, и на обрабатываемые поля, и на охоту [выезжали] в полном боевом снаряжении, в кольчуге, шлеме, с копьем, клинком, саблей и ружьем при себе».

Приведенные выше родословия, имена и титулы четырех хакимов показывают, что правителями частей города были феодалы — Чингизиды; общегородским правителем в 1784 г. был избран ходжа. Таким образом, аппарат власти составлялся из двух высших аристократических сословий. Нарисованная источником живая картинка выезда знатного горожанина в полном вооружении на обрабатываемые поля заставляет думать, что они являлись туда для наблюдения за работой простых трудящихся, может быть «караказанов», упомянутых в отчете Поспелова и Бурнашева²². Вне сомнения, у кормила власти городского самоуправления стояли только богатые и знатные горожане, имевшие непосредственное отношение к караванной и базарной торговле. Вместе с тем они были и землевладельцами.

Текст «Сказания» показывает наличие в городе прочных традиций коллективного управления знати. После избрания Юнус-ходжи, когда он постепенно узурпировал всю полноту власти, горожане более всего были поражены тем, что он действовал, даже не посоветовавшись с ними. Однако, если это и была республика, то только аристократическая, далекая от какой бы то ни было демократии для трудящихся. При Юнус-ходже, например, ремесленникам даже запретили ездить по городу верхом²³.

Интересные сведения о Ташкенте сообщили также горные техники М. Поспелов и Т. Бурнашев, побывавшие в Ташкенте в 1800 г. В своем отчете они отразили переход от системы «четырех хакимов» к единоличному правлению, когда правитель все же советовался с «первостепенными ходжами». В этот период город отстраивался после разрушений, вызванных междоусобицами, предшествовавшими **избранию общегородского правителя**. Юнус-ходжа отремонтировал городскую стену, устроил монетный двор и постоянное войско из «караказанов». В мирное время их использовали в качестве даровых хлебопашцев в имениях самого Юнуса и других городских начальников, которые, как и он, были землевладельцами, имели сады, пашни, стада скота и вели крупную торговлю²⁴.

Итак, в XVIII в. Ташкент имел общегородское самоуправление, в котором участвовали главным образом знатные аристократы-ходжи, крупные купцы и землевладельцы. Этот большой торговый город с принадлежавшей ему областью в своих внутренних делах и внешних сно-

²² См.: Я. Ханьков. Указ. статья, стр. 31—36.

²³ А. Диваев. Предание о возникновении азиатского города Ташкента, Туркестанские ведомости, 1900, № 91.

²⁴ См.: Я. Ханьков. Указ. статья, стр. 1—56.

шениях не зависел от среднеазиатских или иных деспотических монархий. Хотя в 1723—1749 гг. он платил определенную дань казахским или калмыцким ханам, но и в это время власть ханов была сильно ограничена рамками, установленными городским самоуправлением.

Высшим органом общегородского самоуправления в Ташкенте был «магистрат», состоявший из десяти главных «градодержателей». Местопребыванием его был внутренний город («Кремль», Старый Ташкент), сильно укрепленный особой стеной с шестью воротами. Здесь помещались главный рынок, гостиный двор, высшая судебная палата и высший орган городского самоуправления, а впоследствии, при Юнус-ходже, еще и монетный двор, ремесленные мастерские правителя. Все хозяйственные, торговые, судебные, административные и внешнеполитические дела решались городскими властями самостоятельно, без участия ханов. Более того, ханам был запрещен вход в «Кремль», т. е. внутренний город, куда они и сами не смели заходить, боясь быть схваченными и задержанными в крепости за нарушение прав городского самоуправления.

Внешний город с пригородами был разделен на четыре части, подобные новгородским «концам». Части города находились под управлением четырех независимых правителей, имели свои укрепления, администрацию и отдельные войска. В случае военной опасности войска четырех частей обязаны были участвовать в охране и обороне города в порядке установленной очередности. Окружавшая внешний город мощная оборонительная стена с 32 воротами бдительно охранялась. Имелась особая система оповещения населения об угрозе нападения врагов. Горожане-мужчины постоянно носили при себе холодное оружие, а некоторые имели и ружья.

Система сбора налогов с горожан Ташкента была тяжела для беднейших слоев населения, простых ремесленников и мелких торговцев. В конце XVIII в., при Юнус-ходже было характерно отсутствие определенных сроков и размеров платежей, налагавшихся городскими властями. «Қарақазаны» несли трудовую повинность, обрабатывая, в частности, земли городских начальников. Каких-либо постоянных налогов в пользу казахских ханов ташкентские горожане, как правило, не платили. Наоборот, в последнее время (конец XVIII — начало XIX в.) кочевники-казахи были обязаны платить городу натуральный налог скотом.

В 30-х годах XVIII в. с оседлых жителей малых городов и местечек, подчиненных Ташкенту, собирался налог «ясак» в пользу ханов, которые посылали для этого своих сборщиков. Однако последние и тогда находились под контролем ташкентского городского самоуправления, назначавшего своих представителей к каждому сборщику. Между ханскими сборщиками и представителями горожан часто возникали споры, доходившие до вооруженных схваток и убийств. В таких случаях городское самоуправление заявляло ханам протесты против нарушения сборщиками городского права.

Городской суд имел три инстанции и не нуждался в санкции хана даже в случае приговора горожанина к смертной казни. К ханам отсылали только провинившихся в городе казахов.

Ташкентским купцам, которые вели крупную торговлю с Казахстаном и Россией, нужны были надежные мирные отношения с кочевниками. Для этого ташкентцы иногда «принимали» кого-либо из влиятельных казахских ханов и уступали им часть налогов, но без права вмешиваться во внутреннюю жизнь города. В конце XVIII в., после объединения четырех частей города и избрания Юнус-ходжи общегород-

ским правителем, Ташкент подчинил себе кочевников-казахов области, ликвидировал у них ханскую власть, предписал новые законы и заставил платить городу натуральный налог скотом. Кроме того, казахов обязали выставлять конные отряды в помощь городскому войску. Это было апогеем могущества ташкентской феодальной республики и в то же время — началом ее конца. Именно тогда вместо городского ополчения было создано постоянное войско, с помощью которого Юнус-ходжа узурпировал власть и стал единоличным правителем. За это возмущенные горожане предали его в войне с Кокандом.

Политическая самостоятельность Ташкента была в конечном счете результатом роста торговли и ремесла, общего экономического развития, наблюдавшегося здесь в течение ряда веков. Географическое положение Ташкента на границе со степью способствовало превращению его в опорный пункт товарообмена с кочевниками, всегда нуждавшимися в продуктах земледелия и ремесла. В XVII—XVIII вв. усилилась торговля с Россией, содействовавшая обогащению ташкентских купцов. Они-то и установили в городе порядки, выгодные им и удобные для дальнейшего развития торговли и ремесла. Пока еще, к сожалению, мало изученные ремесленные корпорации, безусловно существовавшие в Ташкенте, как и в других среднеазиатских городах, были социальной опорой городского самоуправления.

Мы не имеем пока достаточных сведений о том, как было организовано городское самоуправление в сербдарских городах. Также не изучена история городов Восточного Туркестана и Ферганы в период правления в них ходжей. Мало сведений дошло до нас о городских порядках в Балхе, Бадахшане и др. Однако, если сопоставить приведенные выше сведения о Ташкенте XVIII в. с имеющимися данными об Исфахане XVII в., о средневековых Ани и Карсе в Армении и др., это даст, как нам кажется, достаточно ясные и убедительные свидетельства о невозможности считать отсутствие общегородского самоуправления особенностью городов Передней и Средней Азии. В тех случаях, когда складывались соответствующие условия, восточные города, как и некоторые западные, имели свое самоуправление, городское право и городские учреждения. Так что в этом отношении основные тенденции процесса исторического развития средневековых городов были, по-видимому, в общем едиными.

О. Д. Чехович

ЎРТА АСР ШАҲАРЛАРИ ТАРАҚҚИЙТИНИНГ ТАРИХИЙ ПРОЦЕССИ БИРЛИГИ МАСАЛАСИГА ДОИР

Феодал даври Ўрта Осиё шаҳарларининг ички қурилиши масалаларига бағишланган ушбу мақолада муаллиф тарихий манбалардан олган маълумотларни анализ қилади ва умумлаштиради, XIII асрда Тошкентда умумшаҳарнинг ўз-ўзини бошқариши хусусида қизиқарли маълумотлар келтиради.